

Бой Ильи М<уромца> с Добрыней, неудавшаяся женитьба Алеши П<оповича> и рассказ Добрыни о своем бое со Змеем

Типерь поехал Илеюшка во чисто полё,
Да в то роздольицо широкое.
Он доехал, Илеюшка, до чиста поля,
Он роскинул на чистом поле свой белой шатёр,
Он насыпал коню пшеницы белояровой,
Сам лег во шатре да заснул крепким сном.
Он спал ведь тут сутки ровно сутками.
Он проснувшись, во сне да видит дивное:
Стоял возле его шатёр полотняной,
И конь у шатра стоял белой весь,
Отгонивши коня да Илья Муромцы
От той же пшеницы белояровой.
На што тут Илеюшка россердивши был:
«Кака же тут невежа приехала
И пустила коня к его пшеницы белояровой?»
Разбудил он в шатре сильного боғатыря:
«Ты ставай сичас, невежа, невежа незваная;
Мы поедём с тобой да по чисту полю,
Мы будем там биццэ на жисть, на смерть!»
Они съехались, молоццы, — розъехались:
Они билисе копьеми берзаминьскими,
Они билисе палицами боёвыми.
От рук ихны палицы загорелися —
Некоторой некоторого не ранили.
Они сцепилисе цепями-то железными —
Некоторой некоторого перетянуть не могли.
Под ними кони-то добрыя прыгали вдруг
От сильной же битве боғатырьское.
Сходили с коничков добрых,
Сходили боғатыри на сыру зем[л]ю —
Схватились бороцца в охабочку,
В охабочку бороцца — по-медвежьему.

Они первой день ходили-боролись до вечера
И другой день боролись до вечера:
Солнышко катилосе ко западу,
Ко западу катилосе, ко закату.
Тут имел же Добрынюшка Некитич млад,
Он имел тут ухваточку приловкую,
Преловкую ухваточку гимнастики:
Повернул Илью Муромца накругом-вокруг,
Ударыл его, Муромца, об сыру землю
И сел к Ильи Муромцу на белы груди,
И стал Илью Муромца спрашивать,
Спрашивать стал его, выведывать:
«Ты которого города, коей земли?
И как оцца-матерь именём зовут,
Именом же зовут да по отечеству?»
Отвечал тут ему да Илья Муромец:
«Уж я был бы сидел да на твоей груди —
Я ростегивал бы твои пуговики вольячныя
И порол бы твою да грудь я белую,
И смотрел бы я твоё да ретиво серцо!»
Тут стал же Добрынюшка Некитич млад,
Он стал тут ростегивать шубочку собольею:
Он ростегивал пуговики вольячния,
Отворачивал латы булатныя.
Увидавши он на груди крест серебряной,
Соскочивши с груди он могучие,
Он брал тут Илью да за белы руки,
Поднимал он Илеюшку на резвы ноги:
«Извини меня, Илья, да Илья Муромец,
Извини меня, Добрынюшку Некитича, —
В том звини, что я победил тибя:
Быть же ты мой, да мой крестовой брат,
Ты крестовой мой брат, да ты мой старшэй брат!»
Они стали тут братья, покрестовались,
Покрестовались братья и розъехались:
Добрынюшка поехал во чисто полё,
Илья Муромец поехал во Киев-град.
Он приехал во Киев к князю Владимиру.
(У Владимира сидел да тут Попович млад) —

Они много сидели и беседовали:
Он сказал про Добрынюшку Некитича,
Что видел Добрыню во чистом поле,
Похоронил его косточки могучия,
И теперь уже Добрынюшки живого нет.
Олешенька Попович-от женицэ стал:
И стал он просить князя Владимира,
Штоб женицэсе на вдове Омельфе Тимофеевне,
На жене Добрынюшка Некитича.
И стал тут Олешенька сватацэ.
Но Омельфа Тимофеевна не йдёт взамуж —
Она помнит ведь речи Добрыни Никитича,
Когда поехал Добрыня во чисто полё:
«Если не буду я дома через десеть лет —
(А теперь прошло времени пятнацать лет!),
Ты тогда можешь взамуж итти;
Хошь за старого пойдёшь, хошь за младово —
Но не ходи ты за Олешеньку Поповича,
Потому я Поповича не люблю всегда!»
Ну, стал тут Попович, посваталсэ,
Но не шла за него Тимофеевна.
Он просил, Попович, князя Владимира,
Еще попросил он Илью Муромца,
Чтобы те помогли ему сосватацэ
На той же вдове Омельфе Тимофеевне.
Пошел тут Владимир, князь стольно-киевской,
Пошел он к Омельфе Тимофеевне.
«Ты что же, Омельфа Тимофеевна,
Ты не йдёшь же взамуж за Олёшу Поповича?
Ты иди же, Омельфа Тимофеевна,
Ты иди же за Олешеньку Поповича!
Добром ты пойдёшь — дак он добром возьмёт;
А не йдёшь ты добром — я отдам силою!»
Говорыла Омельфа Тимофеевна:
«Уж ты ой еси, великий князь
Владимер стольно-киевской!
Я не желяю изменить своему супружеству,
Супругу же Добрынюшки Некитича!
После времени пройдёт хоша и десеть лет,

После десети пройдёт и пятнадцать лет —
Он велел мне тогда выходить в замужество.
Он велел выходить мне за старого,
За старого велел и за младого, —
Только не велел выходить за Олёшу Поповича:
Не любил он Поповича в жизни сей».
Говорыл в ответ ей да Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Омельфа Тимофеевна!
Чем тебе вдовой сидеть, иди в замужество —
Ты в замужест[в]о иди за Олёшу Поповича!»
Говорыла Омельфа Тимофеевна:
«Будет воля твоя, княже, великая,
Я послушаю тибя типерь во первый раз:
По твоей же по просьбе по княжеской
Я выйду за Олешеньку Поповича!»
Они назначили день, и день свадебной,
Они назначили свадьбу и через десеть дён.
Прошло время то — всё да собирались,
Собирались, на свадьбу снарежались.
Они стояли на свадьбе за дубовым столом,
Они всех тут на свадьбе угощали же,
Всем чары с вином подавались.
Вдруг входит калика перехожая,
Он входит во грынюшку во светлую
На ту же на свадьбу веселую;
Он ходит и князю челом же бьёт,
Челом ему бьёт да низко кланая[яе]цса:
«Уж ты ой еси, князь Владимир стольно-киевской!
Ты позволь мне-ка сесть да на печной столб
Посмотреть мне на младую супружницу,
На младую супружницу Поповича!
Да позвольте мне гусли сыграть же здесь,
И гусли те дайте мне — Добрынюшки Некитича:
Помянуть мне прах Добрынюшки Некитича!
Сыграю я в гусли, звончаты гусли,
Звеселю я Олешеньку Поповича,
Звеселю я Олешину молодую жену!»
Принесли тут прохожему золоты гусли —
Тут начал прохожий поигрывать,

И начал прохожий всё выигрывать...
Догадался Илеюшка Муромец,
Догадался притом и Владимир-князь,
Што зашел им во гринюшку и не прохожей же,
Не прохожэй калика, не долгополой же,
Но пришел к ним — Добрынюш[к]а Мекитич млад.
Догадалась же Омельфа Тимофеевна
По игре в гусях Добрынюшки Некитича;
Попросила она князя Владимира,
Штобы дал он ей чарочку серебряну,
Штобы серебряну чару в полтора ведра.
Тут подал Владимир чарочку серебряну.
Наливала Омельфа Тимофеевна,
Наливала эту чару зеленым вином,
Зеленым же вином да полтора ведра —
Подавала эту чару калики прохожому,
Подавала эту чару да на печном столбе.
Принимал эту чару калика перехожэй же,
Принимал эту чару он одной рукой —
Выпивал эту чару к одному духу.
Он снял свой перстень золотой с руки,
Он положил в эту чарочку серебряну:
«Ты увидишь, Омельфа Тимофеевна,
Ты увидишь этот перстень, коей нам с тобой,
Коей нам же с тобой да обручальной был!»
Увидавши Омельфа Тимофеевна,
Она взявши тот перстень на руку свою,
Она обратилась к столу, к столу дубовому:
«Поздравляю тебя, Олешенька:
Женился — не с ким спать!»
Сама пошла она к печки муравленой,
Она брала же Добрынюшку Некитича,
Она брала ево за белы руки —
Целовала его в уста сахарные.
Подходила она с им да к дубову столу,
Поклонились они Олешеньки Поповичу:
«Поздравляём тибя, Олешенька:
Женился — не с ким спать!»
А еще же промолвил князю Владимиру

И промолвил притом же он Ильи Муромцу:
«Вы поздравьте Олëshеньку Поповича,
Вы поздравьте Олëshу, что не с ким спать!»
На то тут Олëshенька россердивши был:
Выбегал тут Олëshенька на улицу,
Побежал тут Олëshенька во дом во свой,
Хватил тут Олëshенька остру сабельку —
И бежал тут Олëshа на Добрынюшку Некитича.
Говорыл тут ему Илья Муромец:
«Не летай ты, Олëshенька, за соколом:
Я же, старык, да не тебе чета —
Не тебе же чета да не тобой зовут —
Да был у мя Добрынюшка на белых грудях;
А тибя-то, Олëshеньку Поповича,
Тибя-то, Олëshу, как комара, убьёт!»
Тут-то Владимир приужакнулса;
Узнал он про сильнаго боғатыря,
Про сильного боғатыря Добрынюшку Некитича:
«Извини нас, Добрынюшка Некитич млад!
По просьбе моей твоя супружница
Пошла за Олëshеньку Поповича,
Как прошло тому времени пятнаццэтъ лет
По твоёму отъезду от родины.
Роскажи ты, Добрынюшка, где же был,
Роскажи нам, Добрынюшка, что видал?»
Тут начал Добрынюшка рассказывать:
«Был я, Добрыня, на синём море;
Я видел, Добрыня, чудо чудное,
Я видял Змея страшново,
Змея старшново видял, троеглавого.
Он хотел миня убить да на синём море.
Я сказал тому Змею троеглавому:
„Не честь тебе будёт молодецкая,
Не хвальба тебе будёт всё Змеиная,
Что убил бы ты боғатыря во неволюшке,
Во неволюшке убил бы, на синём море,
На синём море убил бы, на быстрой воде!
Помоги ты мне, Змей, да выйти на землю —
Тогда убьёшь меня, молоцца, на сырой земле!»

Тогда будёт и честь тебе молодецкая,
Тогда будут бояцца тебе сильные боғатыри —
Да такого-то Змея троеглаваго,
Троеглаваго Змея, Змея сильного,
Што убил-то Добрынюшку Некитича,
И убил он боғатыря могучаго,
И убил он боғатыря на сырой земле!”»
Тут на то Змей, Змей, оглянувшись вдруг,
Он помог тут Добрыни — до сырой земли.
Когда вышел Добрынюшка на сыру землю:
«Ты дай мне, Змей, типерь опомницэ,
Ты опомницэ да отдохнуть с часок!»
Отдохнувши Добрынюшка Некитич млад;
Прибравши он в руки сер-горюч камень,
Сер-горюч камень прыбрал в петьдесят пудов:
«Ну, ты можешь, Змеишшо троеглавое,
Ты можешь типерь сразицьсе
С Добрыней Некитичом,
Ты можешь сразицьсе на сырой земле!»
Тут стало Змеишшо подвигатися,
Полетело Змеишшо выше всех лесов,
Полетело Змеишшо под облака —
Рынулось сверху на Добрынюшку Некитича,
Летит на Добрыню с шумом великием.
Добрыня схватил сер-горюч камень,
Он бросил этот камень в Змея лютого —
Оторвал у Змея две главы.
Упало Змеишшо-то на землю:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Некитич млад!
Пощади меня, Добрынюшка, во первой раз;
Я за то тебе, Добрыня, вознагражду тибя:
Приведу тебе, Добрыня, коня доброго,
Твою сбрую привезу боғатырскую, —
Только не бей меня, Добрынюшка, до смерти!»
На что тут Добрынюшка согласён был.
Тогда тут Змеишшо прелютоё
Слетало Змеишшо за конём добром,
Принесло же всю сбрую боғатырскую.
Оделсэ Добрынюшка Некитич млад,

Оделсэ Добрынюшка в цвето платицо,
Надел на сибя все сбрую боґатырскую,
И сел он на коничка вороного —
Отнял он главу Змею лютому,
Покончил он жизнь Змея лютаго —
Очистил дорогу проходим и проежжим здесь.
Потом поехал Некитич во страны дальняя,
Страны дальняя ездил, незнакомые.
Он привёз же оттуда подарочки,
Подарочки для князя для Владимира —
Подарочки: еичко изумрудово,
Второ еичко брельантово,
Из отдалённого царства Малобрунова»
Прин[ь]явши подарок, Владимир-князь,
Прин[ь]явши подарок, блаґодарыть он стал,
Благодарыть он стал Добрынюшку Некитича:
«Ты бери же, Некитич, что те надобно —
Ты сёла бери да с присёлками,
Золотой казны бери себе по надобью!»
Говорыл ему Добрынюшка Некитич млад:
«Мне не надо сёла с присёлками,
Мне не надо твоя да золота казна,
Мне не нужны твои да славы-почести —
Только возвратите вы мой дом белокамянной,
В котором я буду спокойно жить
Со своею Омельфой Тимофеевной!»
Говорыт ему князь да во второй након:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Некитич млад!
Ты бери свои полаты белокамянны,
Ты живи сибя, Добрынюшка, как хочыцьсэ, —
Только не забывай меня, князя Владимира,
И не забывай всё нашу родину
Со своим же ты с братом со крестовыем,
Со крестовыем братом со Ильей Муромцом!»
Говорыл им на то Добрынюшка Некитич млад,
Говорыл ему на то Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольно-киевской!
Мы будём охранять да стольно Киев-град,
Мы будём охранять да свою родину,

Свою родину спасать, свою могучу Русь!
Только дай нам пожить сичас да в городи,
А потом будём ездить мы по заставам,
От розных наезников лихих-негодных,
Негодных наезников-разбойников,
Мы спасать буде[ё]м жисть царя великого —
Тибя, князя Владимира!
И за нас тибя, князя, мы царём зовём,
Мы царём тибе зовём да будём клана[я]цсэ!»

*(Зап. А. Д. Григорьевым 10 июля 1901 г.: на Русановском заводе — от
Аникиева Василия Петровича (из д. Кузьмин городок Погорельской вол.?), 57
лет.)*

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.